

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО, Ю. А. ЦЕПКОВ

**КАТЕПАНАТ В ТАВРИКЕ:
ЛЕГЕНДАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ¹**

Вопрос существования катепаната в византийской Таврике давно привлекает внимание ученых византинистов. Известные до настоящего времени источники не давали возможности однозначно ответить на этот вопрос. В источниках среди известных дукатов и катепанатов Византийской империи Таврический (или Херсонский) не фигурирует [Oikonomides 1972: 262–263; Kuhn 1991: 158–242, 303, 305; ср.: Мохов 2004: 14–34; Мохов 2005: 15–26]. Напротив, в памятниках сфрагистики мы имеем достаточно стройный ряд херсонских стратигов вплоть до середины XI столетия [Алексеев 1998: 701–743; Alekseyenko 2012: 120–178, nos. 28–93].

В то же время хорошо известен пассаж из Лаврентьевской летописи об отравлении тмутараканского князя Ростислава Владимировича одним из византийских правителей.

«В лето [6573/4 (1065/1066)] Ростиславу сузю Тмуторокани и емлющу дань у Касога и у инѣхъ странах, сего же убоявшеся Гръци послаша с лествю котопана; оному же пришедшу к Ростиславу и вѣрвишюся ему, чтиашеть и Ростиславъ. Единою же пьющо Ростиславу с дружиною своєю, рече Котопанъ: «княже! хочю на тя пити. оному же рекши: «пий». Он же испивъ половину, а половину дастъ князю пити», дотиснувъся пальцемъ в чашю, бѣ бо имѣа под ногтемъ раствореньє смертноє и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопан же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко в сий день умреть Ростиславъ, якоже и бысть, сего же котопана побиша каменьемъ Корсунстии людье» [ПСРЛ 1846: 71–72].

К сожалению, сообщение древнерусского летописца не дает однозначного ответа на вопрос кем являлся названный греческий посланник — местным херсонским наместником или же специально присланным функционером.

В то же время примечательно, что древнерусский хронист называет его *котопаном*.

Анализируя текст летописи, нам все же представляется маловероятным, что источник называет какого-то заезжего византийского имперского представителя власти, который был специально отправлен отравить Ростислава, а затем явился в Херсон и разнес весть о предстоящей смерти князя, за что и был побит камнями местным народом. Надо полагать, что при наличии местного имперского правителя Херсона не было необходимости снаряжать по этому случаю специальную экспедицию из столицы или другой провинции империи. Тем более, в опасный для мореплавания зимний период. Этот сюжет русской хроники датирован 13 февраля 1065 года (в иной редакции 6574 г. = 1066 г.). Кроме того, эта экспедиция требовала и соответствующего военного эскорта и значительных материальных затрат, связанных с содержанием как самого высокопоставленного византийского чиновника, так и его окружения (вряд ли бы последний рискнул отправиться в подобное путешествие без соответствующего сопровождения). Да и наличие такого военного эскорта, верного своему предводителю, делает достаточно проблематичным организацию каких бы то ни было противодействий ему. На наш взгляд, целесообразнее связывать рассматриваемые события с деятельностью именно херсонского наместника, который, получив соответствующие распоряжения из центра, должен был их выполнить, не взирая на сложившуюся обстановку мирного соседства между населением подвластной ему территории и народом Тмутараканского княжества. Надо полагать, что именно эти отношения и породили последующие действия херсонитов, которые обратили свой гнев на местного управителя. Как отмечал в свое время Г.Г. Литаврин, здесь необходимо иметь в виду одно немаловажное обстоятельство, что помимо официальных государственных отношений Руси и Византии или Руси и Херсона, имели место постоянные, устойчивые торговые и куль-

¹ Впервые данный материал был представлен в качестве доклада на IV Международном Византийском Семинаре «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис», состоявшемся в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический» в мае 2012 г. [Алексеев, Цепков 2012 а: 6–7]

турные связи сторон на так называемом «низовом уровне», отнюдь не всегда автоматически прерывавшиеся или возобновлявшиеся в зависимости от осложнений или от потеплений в отношениях высших властей обеих сторон [Литаврин 1992: 225–232; Литаврин 1999: 490–491].

Хотя здесь, конечно, не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что нападение горожан на наместника могло быть вызвано возникшей опасностью карательных мер со стороны руссов, которые могли обрушиться на Херсон.

Напомним, что первая половина XI столетия выдалась для Таврики относительно спокойной. После небезызвестных событий 1016 г. связанных с Георгием Цулой [Соколова 1971: 68–74; Соколова 1973: 212–214; Соколова 1983: 103–106; Cheynet 1990: 35–36, nr. 19; Богданова 1991: 118–119; Степаненко 1992: 125–133; Алексеевко 1995: 81–87; Алексеевко 1998: 730–733; Литаврин 1998: 923–931; Степаненко 2011: 153–161] в регионе наступила некая стабильность. Город со своей округой, а, следовательно, и его жители, даже получили определенное политическое усиление и территориальное развитие, о чем красноречиво свидетельствует известная надпись Льва Алиата [Латышев 1895:184–188].

В этой связи перед исследователями всегда стоял вопрос, назван ли херсонский функционер настоящим названием его должности или же летописец применил к должности херсонского правителя-*стратига* новое название должности византийских наместников, которое было более характерным уже для второй половины XI — XII вв. Напомним, что в надписи 1059 года патрикий Лев Алиат, владетель Херсона и Сугдеи все еще назван *стратигом* [Латышев 1895:184–188].

Казалось бы, здесь нам на помощь должны были прийти памятники сфрагистики. Однако печатей XI столетия в Херсоне весьма незначительное количество и ассортимент их принадлежности весьма невелик. Приведенные в свое время И. В. Соколовой два моливдовула весьма неудовлетворительной сохранности не давали возможности надежно отнести их к должности катепана [Соколова 1983: 162, 166, №№ 50, 57]. Легенды обеих печатей сильно фрагментированы и предлагаемые автором реконструкции надписи по двум трем литерам имели далеко не однозначные решения. Впрочем, исследовательница сама указывала лишь на предположительное чтение легенд. Первая из них представляет неизвестного по имени владельца в ранге императорского (?) протоспафария *epi tou Chrysotriklinou*:
ΑΣΠΑ|ΕΠ [ΙΤ]ΟΥΧΡΙ|ΤΡΙΚΛΙ [Ν]ΙΠ [.]Ν.С

[см.: Вишнякова, 1939: 124–125, № 5; Соколова, 1983: 162, № 50]. Как видим, должность «катепана» И. В. Соколова восстанавливает здесь лишь по двум плохо читаемым литерам «*πι*» и «*ню*», сохранившимся в четвертой строке. Имя топонима — тоже весьма проблематично. К тому же, сфрагистический тип печати — погрудное изображение Богоматери (Никопеи), в сопровождении традиционной круговой надписи с invocativным обращением, исключает датировку данного экземпляра временем позднее X в., когда на византийских моливдовулах, в том числе и херсонских, выступают иные сфрагистические типы [см.: Alekseyenko 2012]. Следует отметить, что первый издатель данного экземпляра А. Ф. Вишнякова во владельце печати видел Иоанна (или Константина), протоспафария *epi tou Chrysotriklinou* и *стратига* Херсона [Вишнякова 1939: 125].

Таким образом, проблема существования должности катепана в Херсоне (или в Таврике) так и осталась открытой. Но по счастливой случайности все-таки именно памятникам сфрагистики предстоит поставить окончательную точку в решении рассматриваемой проблемы.

В 2011 году среди сфрагистического материала, происходящего из ближайшей округи византийского Херсона, удалось обнаружить один весьма примечательный экземпляр, имеющий самое непосредственное отношение к нашей теме (Рис. 1). Моливдовул отлично сохранился и имеет полную легенду, что исключает какие-либо ошибочные толкования в расшифровке представленной на нем легенды.

Аверс. В жемчужном ободке изображение фигуры Богоматери, повернутой в три четверти влево с поднятыми в молитве руками; в поле слева вверху — длань Господня (*Manus Dei*); по сторонам расположены титлы $\overline{\text{MP}} - \overline{\text{ΘV}} - \text{M}\eta(\tau\eta)\rho \Theta(\epsilon\omicron)\delta$.

Реверс. Семистрочная надпись, заключенная в жемчужный ободок:

+ΚΕΡΘ	Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
ΝΙΚΗΘΡΩ	Νικηφόρω
ΡΕΣΤΑΡΧΗ	βεστάρχη
ΣΚΑΤΕΠΑΝ	(καὶ) κατεπάνω
ΧΕΡΣΩΝΟΣ	Χερσῶνος
ΣΧΑΖΑΡΤΩ	(καὶ) Χαζαρί(ιας) τῶ
·ΑΛΑΝΩ·	Αλανῶ

Κύριε βοήθει Νικηφόρω βεστάρχη καὶ κατεπάνω Χερσῶνος καὶ Χαζαρίας τῶ Αλανῶ

Богородица, помоги Никифору вестарху и катепану Херсона и Хазар(ии) из рода Аланов.

Данные, представленные на печати, позволяют не только ввести в научный оборот новую, ранее не известную информацию, связанную непосредственно с самим владельцем буллы, но и проливают свет на историю региона в один из малоизученных ее периодов.

Здесь, очевидно, уместным будет вспомнить один из моливдовулов, опубликованный И. В. Соколовой, на котором владелец тоже носил имя Никифор [Соколова 1983: № 57]. Не исключено, что обе печати могли принадлежать одному и тому же персонажу, который в ходе своей карьеры сумел присоединить к Херсону и лежащие к востоку области Хазарии. Впрочем, неудовлетворительная сохранность не позволила прочитать последнюю строку оборотной стороны моливдовула, где за топонимом безусловно размещены еще какие-то данные. Здесь могло быть помещено и родовое имя владельца и, судя по нашему экземпляру, еще один топоним. Остается надеяться, что когда-нибудь будет обнаружена печать лучшей сохранности и тогда удастся снять завесу тайны с этой херсонесской находки.

Представленный на нашей печати сфрагистический тип демонстрирует одну из ипостасей Богородицы — Богоматери Агиосоритиссы Халкопратийской, хорошо известную по некоторым византийским моливдовулам, где изображение Пречистой Девы сопровождается соответствующим эпитетом [Лихачев 1911: 58–60, рис. 97–105; Laurent 1965: 279–280, nr. 1431; Leontiades 2006: 134–136, nr. 47; Leontiades 2006: 134–136, nr. 47; Cheynet 2008: 466, 593–594, DO 58.106.5518; DO 47.2.1102, Spink III, nr. 102; Cheynet, Theodoridis 2010: 78–79, nr. 67]. Впрочем, иногда данный тип изображения, подобно нашему экземпляру, употребляется и без соответствующей легенды [Лихачев 1911: 60, рис. 106; Seibt, Zarnitz, 1997: 119–120, nr. 3.1.13; Nesbitt, Oikonomides, 1996: 8, nr. 2.14; Leontiades 2006: 150–151, nr. 55]. Как правило, исследователи моливдовулы с подобным изображением датируют в пределах XI–XII столетий. В тоже время, отдельные экз. имеют более узкие датировки. В. Зайбт склонен отнести изданный им берлинский экз. к середине XI в. [Seibt, Zarnitz, 1997: 119], а И. Леонтиадис моливдовул из Фессалоникийского музея датирует последней четвертью XI в. [Leontiades 2006: 134, nr. 47]. Подобную датировку рассматриваемой нами печати предполагает и использованный на печати шрифт. Характерное начертание «альфы» и «омеги», а также применение аккуратного шрифта с клиновидными окончаниями литер, бесспорно, свидетельствует о принадлежности рассматри-

ваемой буллы не только к памятникам XI столетия, но скорее даже к его второй половине [ср.: Oikonomides 1986: 86–105, nos. 87–108]. В свою очередь, раздельное начертание «сигмы» и «тау», вместо характерного лигатурного знака «стигмы», начавшего широко использоваться в византийской сфрагистике с самого конца XI в. [Oikonomides 1986: 160] ограничивает хронологические рамки бытования нашего моливдовула рубежом XI/XII столетий.

Таким образом, рассматриваемый моливдовул следует датировать периодом следующим за датой, обозначенной в надписи Льва Алиата (1059) и не выходящим за пределы XI столетия, т. е. 1060–1090 гг.

Владелец нашей печати представлен в ранге вестарха, надо полагать, традиционном титуле византийских полководцев (стратигов, дук и катепанов), назначенных в пограничные области империи. Таковыми во второй половине XI в. являлись Василий, Самуил и Константин Алусианы [Йорданов 2001: 177–181, №№ 1, 4–7, 19], катепан Болгарии Андроник Филокалис [Jordanov 2006: 420, nr. 733], известный и по печати с указанием более высоких рангов [Cheynet, Theodoridis 2010: nr. 167], Феогност Мелиссин, катепан Месопотамии [Cheynet, Theodoridis 2010: nr. 141], катепан Диррахия Михаил Маврикс [Jordanov 2006: 420, nr. 425], катепан Константин Габалас [Stavrakos 2000: 111, note 174], а также Никифор Ватац [Шандровская 1980: 151, № 1; Шандровская 1977: 111; Jordanov 2006: 87–89, nos. 96–98] и Роман Диоген [Jordanov 2006: 128–130, nos. 167] и другие.

Совпадение титула в применении к традиционной во второй половине XI в. административной должности херсонского функционера, надо полагать, ставит его в один ряд с другими византийскими военачальниками, многие из которых не только прославились на полях сражений, но и сумели завоевать видные посты при дворе. О его высокой значимости для империи свидетельствуют не только название его должности, но и употребление двойного топонима, тем самым подчеркивая распространение его полномочий не только на Херсон и его округу, но и на гораздо большую территорию.

Очевидно, следует отметить, что термин Хазария на печати представлен в несколько сокращенной форме, отличающейся от формулы известной по печатям Тмутараканского князя Олега-Михаила [Vănescu 1941: 57–77; Янин 1970: 28–36, 171, № 29, табл. 3, 29, таб. 36, 29; Stepanova 2003: 129–130, nr. 12; Bulgakova 2004: 238–241,

пг. 3.2.1.2а-с; Степанова 2005: 541–543, № 1,8; Булгакова 2008: 321–322, № 40; Чхидзе 2008: 240, прим. 4]. Отсутствие на нашем экземпляре приставки *πάσης* (всё-, всей) перед топонимом Хазарии очевидно означает, что полномочия херсонского правителя не распространялись на всю хазарскую территорию и, надо полагать, даже на Таманский полуостров. Отметим, что как правило, исследователи принимали тождество Крыма и Хазарии печати Олега-Михаила [Скржинская 1953: 266–267; Гадло 1990: 26; Степаненко 1993: 261; Коновалова 1999: 178; Литаврин 2000: 216, прим. 1; Степаненко 2011: 156–159]. Такое определение фигурирует и в некоторых средневековых письменных источниках [Спиридонов 1928: 94; Рубрук 1997: 89; Петахия 2004: 265].

Таким образом, под термином Хазария нашего моливдовула следует понимать лишь земли восточной Таврики, включая Сугдею. В то время как Боспор мог и не быть византийским владением [Литаврин 2000: 220, прим. 6].

Появление новой находки, бесспорно указывающей на существование в Таврике вслед за фемой во второй половине XI — рубеже XI/XII вв. нового военно-административного округа — катепаната, заставляет не только по новому посмотреть на историю региона в период распада фемного строя, но и в известном смысле переоценить роль и значение Херсона в византийской политике и дипломатии того времени.

Как известно, в первой половине XI столетия он все еще считается центром византийских владений в Северном Причерноморье. И, как справедливо отметил в свое время В.П. Степаненко, в отношении Херсона, Византия невзирая ни на что, удерживала его даже в самые трудные для нее 70–90 гг. XI столетия, отражая не только сельджукскую экспансию в Малой Азии, но и натиск норманнов и печенегов на Балканы [Степаненко 1993: 255]. Источники свидетельствуют, что даже в самом конце столетия город по-прежнему остается верным и преданным защитником интересов империи и, как в былые времена, является местом ссылки неугодных императору особ и даже открытых бунтовщиков и претендентов на престол. Из сообщения Анны Комниной известно, что около 1092 г. император Алексей I Комнин сослал в Херсон самозванца лже-Диогена Константина, который затем бежал к врагам империи — половцам [Анна Комнина 1965: 266]. Не исключено, что именно из-за половецкой угрозы в Таврике из херсонской стратегии и возникает новое военно-административное формирование — катепанат.

Но примечателен рассматриваемый моливдовул не только рангом своего владельца, но и присутствием на нем его родового имени, которое демонстрирует ранее не встречавшееся для региона семейство провинциальной знати. По наблюдению А. П. Каждана данный род может относиться к семьям т.н. переходного типа, представители которых сочетали как военные, так и гражданские функции и происхождение патронима которых восходило к географическим названиям [Каждан 1974: 189–190]. В нашем случае родовое имя, вне всякого сомнения, связано с топонимом Алания.

По замечанию одного из придворных хронистов, описывавших события интересующего нас периода — Михаила Пселла — «Алания — царство не очень-то важное и значительное и Ромейской державе в виде ручательства предоставляет залогов верности» [Psellos 1928: 41–42, 46–48]. В первую очередь следует отметить, что отдельные из правящих византийских династий были связаны брачно-династическим союзом с аланской знатью. Так, у императора Константина IX Мономаха (1042–1055) была фавориткой заложница-аланка, которую престарелый император возвел в ранг неофициальной супруги, одарив ее высоким придворным рангом севасты [Psellos 1928: 41; Пселл 1978: 114; ср.: Дашков 1996: 219]. С.Н. Малахов, опираясь на сообщения Пселла, называет ее аланской княжной «царской крови» [Малахов 2007: 118–121, прим. 4–9]. Другой представитель царствующего дома — деспот (севастократор) Исаак Комнин, брат императора Алексея I Комнина, был женат на Ирине Аланской, дочери аланского правителя [Barzos 1984: 134–144, пг. 23].

Кроме того, род Аланов известен и по письменным источникам, и по памятникам материальной культуры.

Один из его представителей упоминается Скилицей в связи с военной кампанией на востоке 1045–1047 гг. Хронист пишет, что вестарх Михаил Иасит и раб/слуга (*δουλος*) императора магистр Константин Алан командовали ромейскими, ивирийскими и армянскими отрядами при неудачной осаде Двина в 1046 г., а затем осенью 1047 г. они были переброшены к Константинополю на подавление мятежа Льва Торника [Scylitzae 1973: 437^{37–38}–439⁹⁵; Юзбашян 1979: 77, 87]. Кроме того, его имя в ранге проедра выгравировано на одной из серебряных чаш византийского круга [Ballian, Drandaki 2003: 47, 65–66]². Известен

² Стилистические и палеографические особенности представленной на чаше легенды, выполненной греческими прописными литерами (ΚΕΒΟΝΘΕΙ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΩ ΠΡΟΕΔΡΩ ΤΩ ΑΛΑΝΩ) полностью

и его моливдовул без указания рангов в собрании Dumbarton Oaks (DO 58.106.2314). Там же хранится еще одна булла неизвестного по имени проедра из рода Аланов (DO 58.106.31930).

По находкам в Болгарии известно два моливдовула Григория Алана, патрикия и стратига [Jordanov, 2006: 46, nos. 21–22] и одна его личная печать [Балабанов 2007: 44–45, № 1; Jordanov 2009: 602–603, nr. 1811]. В собраниях Г. Закоса (Zacos III) и музея искусств Фогга так же известно по одному экземпляру частной буллы этого персонажа, датируемых XI в. [Jordanov, 2006: 47, Jordanov 2009: 603]³. Кроме того, Григорий известен еще по двум печатям из неизданной части коллекции Г. Закоса в ранге анфипата и катепана⁴ и протопроедра и дуки⁵ [Jordanov, 2006: 47].

Кроме того, В. Зайбт в своей статье, посвященной правителям и иерархам аланов, приводит печати протоспафария Сергия Алана второй четверти XI в. и Георгия Алана⁶ [Seibt 2004: 55–56, 59, notes 43–50], а также называет еще несколько персонажей, связанных с этим топонимом – аланских правителей и иерархов: митрополитов Алании Игнатия (середина X в.) и Евстратия (середина XI в.), эксикораторов Алании Гавриила (30-е гг. XI в.), севаста Росмика (XII в.) и Иоанна Хотеситана (середина XII в.).

Анализ данных печатей позволил Дж. Биркенмаеру прийти к выводу, что аланы на византийской территории известны вплоть до XIII в., причем главным образом они использовались как наемники империи [Birkenmeier 2002: 161–163].

Как известно, с середины XI столетия держава Ромеев попадает в тиски жесточайшего экономического и военно-политического кризиса. После 1048 г. находясь в процессе перманентной войны на три, а то и четыре фронта, которая требовала все новых военных ресурсов (борьба с сельджуками в Малой Азии, печенегами в Подунавье, норманнами в Южной Италии и мятежами со стороны провинциальной знати) в империи наметилась тенденция повсеместного укрупнения погранич-

ных фем, вызванная необходимостью увеличения их военной силы [Мохов 2007: 214]. Этим явлением можно обосновать и появление катепаната в Таврике, который в сферу своей юрисдикции включил не только традиционные области вокруг Херсона, но и, как свидетельствует моливдовул катепана Никифора Алана, территорию соседствовавшей с ним Крымской Хазарии.

В то же время кризис фемного войска заставлял империю делать главный упор в укреплении границ страны на наемные контингенты из числа руссов, варягов, англичан, франков, немцев, болгар, сарацин, алан, авсгов, ивириков, печенегов [Jus 1857: 373; Литаврин 1977: 236–259]. Еще в первой половине X в. византийская внешнеполитическая доктрина рассматривала отдельных своих северных соседей (Русь, Аланию, венгров и печенегов) как потенциальных союзников империи [Nicholas 1973: 160^{60–70}]. И недаром Константин Багрянородный в 10 и 11 главах своего трактата «Об управлении империей» прямо указывает на выгоды от союза с аланами в результате чего «длительным и глубоким миром пользуются и Херсон и Климаты» [Константин Багрянородный 1991: 52^{8–13}–53]. И хотя международные реалии изменились ко второй половине XI в. и наибольшую угрозу для империи уже представлял не балканский регион, а понтийско-малоазийский, думается, что общая союзническая тенденция с соседями все еще имела место. Как показывают письменные источники и памятники сфрагистики, императоры XI столетия по-прежнему активно привлекают на службу империи выходцев из провинциальной аристократии, в том числе и аланской. Во второй половине столетия на смену командирам, служившим в войсках в 1030–1040-х гг., пришла большая группа полководцев, выдвинувшихся при Романе Диогене, среди которых преобладали представители знатных провинциальных фамилий и военачальники армянского или грузинского происхождения [Мохов 2007: 217]. В качестве такого примера можно вспомнить находившегося на службе у Константина Мономаха магистра Константина Алана, который, по мнению С. Н. Малахова, мог быть «эксусикоратором Алании» или «ромеизированным представителем правящей царской фамилии, возможно, братом или дядей аланской принцессы» [Малахов 2007: 126]. О его высокородном происхождении косвенно может свидетельствовать находка знаменитого сокровища, обнаруженного в начале XX в. в районе Татар Пазарчика на территории современной Болгарии [Ballian, Drandaki 2003: 47–77]. А. Баллиан

соответствуют памятникам сфрагистики и находят прямые аналогии в надписях конца XI и особенно XII столетия известных в произведениях искусства [Guillou 1996: nos. 82–83, 85, 91] и мозаиках [Demus 1949: pl. 13].

³ Zacos III, 1484/5, Fogg, A. M. 322 (не изданы); на аверсе печатей представлен один из святых воинов, а на обороте пятистрочная надпись: ΚΕΒΣΘΣ | ΤΩΣΩΔΘ|ΛΟΥΓΡΗΓΟ|ΡΗΩΤΩΑ | ΑΛΑΝΩ.

⁴ Zacos III, 1508/8 (не издана); на аверсе печати бюст св. Феодора с копьем и щитом, а на обороте семистрочная надпись: ΚΕΒΣΘΣ | ΤΩΣΩΔΘ|ΓΟΡΙΩ|ΑΝΘΝΠΑΤΣ | ΣΚΑΤΕΠΑ|ΝΣΤΟΑΛΑ|ΝΩ.

⁵ Zacos III, 1464/1 (не издана); на аверсе печати фигура св. Димитрия (?), а на обороте шестистрочная надпись: |Γ|ΡΗΓΟΡΙΩ|ΡΩΤΟΠΡΣ | ΔΡΩΣΔΘΚΣ | ΤΟΑΛΑΝ.

⁶ DO 58.106.4063u.4305; на аверсе печати св. Георгий, а на обороте четырехстрочная надпись: СΦΡΑΓΣ | ΓΕΥΡΓΟΝ|Ω ΤΩΑ|ΑΛΑΝΣ.

и А. Драндаки, издавшие эту находку, вероятным собственником этой группы драгоценной посуды называют самого Константина [Ballian, Drandaki 2003: 65]. Вне всякого сомнения, владельцем сокровища был кто-то из высокопоставленных представителей аристократической элиты, а учитывая именную гравировку с указанием высокой византийской титулатуры, скорее всего, набор посуды принадлежал именно Константину Алану.

Напомним, что согласно Кекавмену только царственные иноплеменники могли рассчитывать на присвоение больших титулов и высоких должностей [Кекавмен 2003: 295–301]. Так что и ранги Константина и его родственников, в том числе и Никифора Алана, вполне отвечают их принадлежности к высшим слоям аланской знати, часть из которой поступила на службу Византии.

Возвращаясь же к находке новой печати следует отметить, что появление печати катепана Никифора — дополнительное свидетельство того, что византийское присутствие во второй половине XI столетия в Крыму не только не сокращается, но напротив, в известном смысле даже расширяется и усиливается — сначала с присоединением Сугдеи, а затем и Хазарии (Крымской!). Г. Г. Литаврин комментируя «Советы и рассказы» Кекавмена указывает, что военный пост дуки и катепана в то время был выше поста стратига, отмечая при этом, что византийский автор, по видимому, еще не проводит этого различия, толкуя термин *стратиг* как общее обозначение военного главы провинции [Кекавмен 2003: 538–539, прим. 814]. Такие «подмены» терминов широко известны не только в византийских источниках, когда военачальников без разбора величают стратигами, а провинциальных правителей называют архонтами.

В этом смысле рассматриваемый нами персонаж, согласно данным его моливдовула, предстает как высокопоставленный византийский военачальник и администратор провинции, надо полагать, включавшей в себя на тот период значительную территорию Таврики. Его выдвижение на первые роли в провинциальной иерархии, скорее всего, отвечало политике сложившейся в византийской армии, когда при назначении на командные должности немаловажную роль стали играть родственные связи. Наблюдения за карьерным продвижением некоторых военных позволили А. С. Мохову прийти к справедливому заключению, что «лица, связанные родственными отношениями с влиятельными военачальниками высшего ранга более успешно продвигались по службе (Андроник Дука, Никифор Милиссин),

чем офицеры, такового преимущества не имевшие» [Мохов 2007: 217]. И надо полагать Никифор Алан не стал здесь исключением. Своим назначением в Херсон он, по всей видимости, обязан тому обстоятельству, что принадлежал к аланской знати. К сожалению, в источниках о нем не сохранилось никаких данных. В то же время, появившиеся в последнее время косвенные данные свидетельствуют о существовании определенного аланского следа во взаимоотношениях византийского столичного нобилитета с местными аристократами или представителями местной администрации.

Не так давно на территории дальней округи Херсона была обнаружена печать одного из видных византийских вельмож, хорошо известного по византийским письменным источникам — Иоанна Комнина, племянника императора Алексея I Комнина [Алексеевко, Цепков 2012 б: 6–9].

В связи с этим обратим внимание на одну весьма примечательную деталь, имеющую, на наш взгляд, отношение к обоим примерам. В генеалогическом древе рода Комниных, представленном в известном исследовании К. Варзоса, указывается, что названный выше Иоанн родился от брака Исаака Комнина, брата императора Алексея I Комнина и Ирины Аланы, дочери правителя Алании [Varzos 1984: 68, 143; Ср.: Chalandon 1900: 27].

Здесь очевидно уместным будет отметить, что обе печати близки по стилю, хотя и имеют разные сфрагистические типы, но они, безусловно, относятся к одному хронологическому периоду. И не исключено, что в случае с крымской корреспонденцией и тот и другой персонаж, являясь высокопоставленными византийскими вельможами, приближенными ко двору, один из которых состоял в родственных связях с аланским правящим домом по материнской линии, а другой бесспорно являлся выходцем из Алании, могли иметь как тесные контакты с какими-то своими родственниками, обосновавшимися и в столице империи, и в Таврике, и, вероятно, и в иных регионах Византии, так и вести активную переписку с представителями центрального или провинциального аппарата. Учитывая направленность политики Алексея I и его интересы к Крыму и Тмутаракани, появление такой корреспонденции не выглядит чем-то экстраординарным.

Таким образом, появление печати катепана Херсона лишний раз указывает на прежнюю заинтересованность Византии в этом стратегически важном регионе и во второй половине XI — на рубеже XI/XII вв. Очевидно активизация половецкой

угрозы на северных границах империи толкнула имперскую администрацию на создание в Таврике в этот период новой военно-административной единицы — катепаната с включением в него не только традиционно византийской территории в юго-западной части полуострова (Херсон и его округа), но и обширных земель восточного Крыма (Сугдея и Хазария). Расположенная по соседству Алания, связанная с империей родственными связями и союзническими обязательствами, по-видимому, могла бы стать для нового крымского образования надежным и верным помощником в деле защиты северных рубежей империи. И, видимо, совсем не случайно на посту нового военного губернатора оказался выходец из Алании. Не исключено, что в силу сложившейся с этот период практики комплектации византийской армии за счет отрядов наемников, он мог прийти в Херсон вместе с каким-то аланским военным контингентом.

Причины новой реорганизации административного аппарата в Таврике и повышенного интереса империи к восточному Крыму и Боспору очевидно, в первую очередь, следует искать в крайне тяжелой военной ситуации, в которой Византия находилась в последней четверти XI в. Упрочение

ее позиций в восточном Крыму и на Таманском полуострове, безусловно, укрепляло оборону крымских владений империи. Но все же одной из основных причин особого интереса к Таврике можно назвать стремление византийских властей к доступу к новым источникам нефти для вооружения имперского флота «греческим огнем». Кавказские источники нефти из-за натиска турок-сельджуков, так же как и сирийские, в это время были уже не доступны, а традиционные для империи — приазовские [Константин Багрянородный 1991: 272⁴⁹³⁻⁵⁰⁹–274⁵¹⁰⁻⁵¹¹–273] были в руках у русских. Острая нужда в стратегическом сырье вынудила Алексея I Комнина принять ряд мер, чтобы получить доступ к боспорским месторождениям нефти. О добыче нефти в этом регионе свидетельствуют и археологические источники [Анфимов 1953: 153; Гадло 1964: 40–45; Кострин 1965, 1967, 1971; Чхаидзе 2008: 169]. Надо полагать, что создание в Таврике катепаната и возвращение в Тмутаракань Олега-Михаила в ряду этих мер занимают не последнее место. И о том, что император добился успеха в достижении поставленной цели «на Боспоре Киммерийском» красноречиво свидетельствует сообщение Мануила Ставроромана [Gautier 1965: 190–191; Litavrin 1965].

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Н. А. Новые находки моливдовулов рода Чулы из Херсонеса // *Древности* — 1995. — Харьков, 1995: 81–87.
- Алексеев Н. А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // *МАИЭТ VI*. — 1998: 701–743.
- Алексеев Н. А. Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // *IV Международный Византийский Семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»*. Тезисы докладов и сообщений. — Севастополь, 2012 а: 6–7.
- Алексеев Н. А. Цепков Ю. А. Новые материалы к сфрагистической карте Крыма: моливдовул Иоанна Комнина из района мыса Сарыч // *Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна*. Тезисы докладов и сообщений. — Бахчисарай, 2012 б: 6–9.
- Анна Комнина. Алексиада. — М., 1965.
- Анфимов Н. В. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // *КСИИМК XLIX*. — 1953: 151–154.
- Балабанов Т. Нови моливдовули на византийски сановници, открити във велики Преслав // *Нумизматика, сфрагистика и епиграфика* 3 (1). — София, 2007: 43–48.
- Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // *Причерноморье в средние века* 1. — М., 1991.
- Булгакова В. А. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // *Сугдейский сборник III*. — Киев–Судак, 2008: 296–330.
- Вишнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // *ВДИ* № 1. — 1939: 121–133.
- Гадло А. В. Поселения XI–XII вв. в дельте Дона // *КСИА* 99. — 1964: 40–45.
- Гадло А. В. Тмутараканские этюды. III. Мстислав // *Вестник ЛГУ* 2 (2). — 1990.
- Дашков С. Б. Византийские императоры. — М., 1996.
- Йорданов И. Корпус на печатите на средновековна България. — София, 2001.
- Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. — М., 1974.
- Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. — СПб., 2003.
- Коновалова И. Т. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. — М., 1999.

- Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М. 1991.
- Кострин К. В. Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской // *СА* 1. — 1965: 291–293.
- Кострин К. В. Исследование смолистого вещества из «черносмолёных» кувшинов средневековой Тмутаракани // *СА* 1. — 1967: 287–289.
- Кострин К. В. Исследование смолистого осадка из амфор, найденных при раскопках Танаиса // *СА* 1. — 1971.
- Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике // *ВВ* 2. — 1895: 184–188.
- Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство. Проблемы одного столетия: 976–1081. — М., 1977.
- Литаврин Г. Г. Византия и Древняя Русь в конце IX–X вв. // *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow*. — Thessaloniki, 1992: 225–232.
- Литаврин Г. Г. Восстание в Херсоне против византийской власти // *Πολυτροπον* / к 70-летию В. Н. Топоркова. — М., 1998: 923–931.
- Литаврин Г. Г. Византия и Славяне. — СПб., 1999.
- Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). — СПб., 2000: 215–223.
- Лихачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. — СПб., 1911.
- Малахов С. Н. К истории алаано-византийских отношений в 1045–1055 гг. // *Власть, общество и церковь в Византии*. Сборник научных статей. — Армавир, 2007: 117–129.
- Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X — начале XI в. // *Известия УрГУ* 31. — 2004: 14–34.
- Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами 1046–1053 гг. // *Известия УрГУ* 39. — 2005: 15–26.
- Мохов А. С. Византийская армия в середине — второй половине XI в. по данным сфрагистики // *ДАИС* 8. — Екатеринбург, 2007: 212–218.
- Три еврейских путешественника. — М., 2004.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Том. I. — СПб., 1846.
- Пселл Михаил. Хронография / пер. и прим. Я. Н. Любарского. — М., 1978.
- Путешествие в восточные страны Гиойма де Рубрука в лето благодати 1253. — М., 1997.
- Скржинская Е. Ч. Рец. на кн. А. Л. Якобсона Средневековый Херсонес XII–XIV вв. / *МИА* 17. — М., 1950 // *ВВ* 6. — 1953: 252–269.
- Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 года в Херсоне // *ПС* 23 (86). — 1971: 68–74
- Соколова И. В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // *АДСВ* 10. — Свердловск, 1973, с. 212–214.
- Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. — Л. 1983.
- Спиридонов Д. С. Заметки по истории эллинизма в Крыму. I. Из семейной истории мангупского дома // *ИТОИАНЭ* 2. — Симферополь, 1928.
- Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики // *АДСВ* 26. — Барнаул, 1992: 125–133.
- Степаненко В. П. К статусу Тмутаракани в 80–90 гг. XI в. // *МАИЭТ* III. — 1993: 254–263.
- Степаненко В. П. Архонт Хазарии — стратиг Херсона? // *ХСб*. 16. — 2011: 153–161.
- Степанова Е. В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // *Сугдейский сборник* II. — Киев-Судак, 2005: 537–545.
- Шандровская В. С. Поправки и дополнения к «Каталогу моливдовулов» Б. А. Панченко // *ВВ* 38. — М., 1977: 102–119.
- Шандровская В. С. Моливдовулы как исторический источник // *Българско средновековие*. Българско-съветски сборник в чест на 70 годишнината на проф. И. Дуйчев. — София, 1980: 147–152.
- Чхайдзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. — М., 2008.
- Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г. // *ВВ* 40. — 1979: 76–91.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I–II. — М., 1970.
- Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. — Paris, 2012.
- Ballian A., Drandaki A. A Middle Byzantine Silver Treasure // *ΜΟΥΣΕΙΟ ΜΠΕΝΑΚΗ* 3. - 2003: 47–77.
- Bănescu N. La domination byzantine à Matracha (Tmutarakan), en Zichie, en Khazarie et en Russie à l'époque des Comnènes // *Bulletin de la Section Historique de l'Académie Roumaine* XXII (2). — Bucarest, 1941: 57–77.
- Barzos K. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν I-II. - Thessalonica, 1984.
- Birkenmeier J. W. The Development of the Komnenian Army 1081–1180. — Leiden-Boston-Köln, 2002.
- Bulgakova V. Byzantinische Bliesigel in Osteuropa. Die funde auf dem Territorium Altrußlans // *Mainer Verröffentlichungen zur Byzantinistik* 6. — Wiesbaden, 2004.
- Chalandon F. Les Comnène, I: Essai sur le règne d'Alexis I Comnène. Paris, 1900.
- Cheyne J.-Cl. 22. Une Famille méconnue: Les Kratéroi // J.-Cl. Cheynet La société byzantine l'apport des sceaux. Vol. 2. — Paris, 2008: 583–598.
- Cheyne J.-Cl. 16. Les Dalassénoi // J.-Cl. Cheynet La société byzantine l'apport des sceaux. Vol. 2. — Paris, 2008: 413–471.
- Cheyne J.-Cl. Pouvoir et conrestations à Byzance (963–1210) // *Byzantina Sorbonensia* 9. — Paris, 1990.

- Cheyne J.-Cl., Theodoridis D. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques. — Paris, 2010.
- Demus O. The Mosaics of Norman Sicily. — London, 1949.
- Gautier G. La dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis 1er Comnène, Manuel Straboromanos // *REB* XXIII. — 1965: 168–204.
- Guillou A. Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italy. — Rome, 1996.
- Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. 2. Byzantine Seals with Family Names. — Sofia, 2006.
- Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. 3. — Sofia, 2009.
- Jus Graeco-Romanorum / ed. C. Zachariae a Ligenhal. — Lipsie, 1857.
- Kühn H. J. Das byzantinische Armeem im 10. Und 11. Jahrhundert. Studien zur Organization der Tagmata. — Wien, 1991.
- Leontiades I. Lead Seals in the Museum of Byzantine Culture, Thessalonike // *Byzantine Texts and Studies* 40. — Θεσσαλονικη, 2006, p. 209–211.
- Litavrin G. A propos de Tmutarakan // *Byzantion* XXXV. — 1965.
- Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 3: West, Northwest and Central Asia Minor and Orient. — Washington, 1996.
- Nicholas I, patriarch of Constantinople. Letters / Ed., trans. by R. Jenkins, L. Westerink. — Washington, 1973.
- Oikonomides N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. — Paris. 1972.
- Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. — Washington, 1986.
- Psellos M. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / texte établi et traduit par E. Renaud. Vol. II. — Paris, 1928.
- Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. — Wien, 1997.
- Seibt W. Metropolen und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10.-12. Jahrhunderts // *Сфрагистика и история культуры*. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В. С. Шандровской. — СПб., 2004: 50–59.
- Scylitzae Joannis. Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn // *CFHB* 5. — 1973.
- Stavrakos Chr. Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museum Athen. — Wien, 2000.
- Stepanova E. New Seals from Sudak // *SBS* 8. — Washington, 2003: 123–130.

Алексеев Н. А., Цепков Ю. А.

КАТЕПАНАТ В ТАВРИКЕ: ЛЕГЕНДАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

РЕЗЮМЕ

Вопрос существования катепаната в византийской Таврике давно привлекает внимание ученых византинистов. Известные до настоящего времени источники не давали возможности однозначно ответить на этот вопрос. В письменных источниках среди известных катепанатов Византийской империи Таврический (или Херсонский) не отмечен. Напротив, в памятниках сфрагистики мы имеем достаточно стройный ряд херсонских стратигов вплоть до середины XI столетия.

В тоже время хорошо известен пассаж из Лаврентьевской летописи об отравлении тмутараканского князя Ростислава надо полагать, херсонским правителем (*котопаном*). Легенды двух сильно фрагментированных печатей, на которых И. В. Соколова реконструировала должность катепана Херсона, также не давали возможности однозначно ответить на вопрос — существовал ли катепанат в Таврике?

В 2011 году обнаружен новый весьма примечательный экземпляр. Моливдовул отлично сохранился и имеет полную легенду, что исключает какие-либо ошибочные толкования в расшифровке представленной на нем надписи. Легенда печати гласит: «Богородица, помоги Никифору Алану вестарху и катепану Херсона и Хазарии».

Появление этой находки, бесспорно указывает на существование в Таврике вслед за фемой нового военно-административного округа — катепаната во второй половине XI — рубеже XI/XII вв. заставляет не только по иному посмотреть на историю региона в период распада фемного строя, но и в известном смысле переоценить роль и значение Херсона в византийской политике и дипломатии того времени.

Алексеенко М. О., Цепков Ю. О.

КАТЕПАНАТ В ТАВРИЦІ: ЛЕГЕНДАРНІ СВДОЦТВА АБО ІСТОРИЧНІ РЕАЛІЇ.

РЕЗЮМЕ

Питання існування катепаната у візантійській Тавриці давно привертає увагу вчених візантиністів. Відомі до теперішнього часу джерела не давали можливості однозначно відповісти на це питання. У письмових джерелах серед відомих катепанатов Візантійської імперії Таврійський (або Херсонський) не відзначений. Навпаки, в пам'ятниках сфрагістики ми маємо достатньо стрункий ряд херсонських стратигів аж до середини XI століття.

У теж час добре відомий пасаж з Лаврентіївському літописі про отруєння тмутараканського князя Ростислава треба думати, херсонським правителем (котопаном). Легенди двох сильно фрагментованих печаток, на яких І. В. Соколова реконструювала посаду катепана Херсона, також не давали можливості однознач-

но відповісти на питання — чи існував катепанат в Тавриці?

У 2011 році виявлено новий дуже примітний екземпляр. Молівдовул відмінно зберігся і має повну легенду, що виключає будь-які помилкові тлумачення в розшифровці представленої на ньому написи. Легенда друку говорить: «Богородиця, допоможи Никифору Алану вестарху і катепану Херсона та Хазарії».

Поява цієї знахідки, безперечно вказує на існування в Тавриці слідом за фемой нового військово-адміністративного округу — катепаната у другій половині XI — рубежі XI/XII ст. змушує не тільки по іншому подивитися на історію регіону в період розпаду фемного ладу, але й у відомому сенсі переоцінити роль і значення Херсона у візантійській політиці й дипломатії того часу.

Alekseienko N., Tsepkov Ju.

КАТЕПАНАТ IN TAURICA: LEGENDARY EVIDENCE OR HISTORICAL REALITIES

SUMMARY

The question of existence of the Byzantine katepanata Tauris has long attracted the attention of scholars of Byzantine Studies. Known to date sources did not allow a clear answer to this question. In the written sources of the Byzantine Empire, known katepanate of Tauride (or Cherson) is unchecked. On the contrary, in the monuments sphragistics we have sufficient number of well-built Cherson strategos until mid 10th c.

At the same time, well-known passage from the Laurentian Chronicle of poisoning Tmutarakan Prince Rostislav presumably Cherson governor (*kotopan*). Legends of two highly fragmented seals on which I. Sokolova reconstructed position Katepano of Cherson, also did not allow for a clear answer to the question — was there a katepanat in Taurica?

In 2011, we found a new very interesting pieces. Molivdovul perfectly preserved and has a total legend, which eliminates any erroneous interpretation presented in deciphering the inscriptions on it. Legend print reads: «Mother, help Nicephorus Alan vestarches and katepano of Cherson and Khazaria».

The appearance of this finding is certainly pointing to the existence in the wake of Tauris femoy new military and administrative district — in the second half katepanata 11th — turn 11th/12th centuries. causes not only a different look at the history of the region during the collapse femnogo system, but in a sense, to overestimate the role and importance of Cherson in the Byzantine politics and diplomacy of the time.

Рис.1. Моливдовул вестарха Никифора Алана, катепана Херсона и Хазарии, вторая половина XI в.